

Матьяна Веденская

ПУШКИ И
РОМАШКИ
ОТНОШЕНИИ
ЖЕНЩИН
ОБЩЕСТВА

МЕТКИ
ОТКАЗОВ.
КАРТЫ

Татьяна Веденская

Мечтать о такой, как ты

предоставлено правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435385

*Татьяна Веденская «Мечтать о такой, как ты», серия «Для особенных женщин»: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-33950-1*

Аннотация

Ну вот, у тебя есть любимый. Твой единственный, идеальный мужчина, о котором ты не смела и мечтать. Он целует тебя, с нежностью смотрит в глаза – и это не сон. Тогда почему вы все реже созваниваетесь? Почему не праздновали вместе Новый год? Почему он до сих пор не познакомил тебя со своими друзьями и родственниками? Стесняется? Не уверен, что сделал правильный выбор? А тебя использует как временный вариант, пока не нашел кого получше? Сколько же вопросов с этими мужчинами! Нет с тобой никого – ты мучаешься, страдаешь, думаешь, что никому не нужна. А если мужчина есть – тоже изводишь себя. Ведь неизвестно, любит ли он тебя так же сильно, как ты его.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	42
Глава 4	61
Глава 5	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Татьяна Веденская

Мечтать о такой, как ты

Часть первая

Неплохо устроился!

Глава 1

День, который лопнул

Этот день обещал быть счастливым и искрящимся, как конфетти, но все пошло почему-то не так... Самое обидное, что все пошло не так в тот самый момент, когда я уже практически села в машину, разодетая как на парад. На мне было мое любимое красное пальто, которое так идет к моим светлым голубым глазам, и черные сапоги на шпильке, правда, не на меху, а холодные, зато красивые. Багажник был забит пакетами с продуктами – их должна была привезти я, а на ручке задней дверцы висело праздничное черное платье. То самое маленькое черное платье, которое просто обязано быть в гардеробе каждой женщины. Десять утра, а я уже часа три как была на ногах. Конечно, краситься в такую рань не имело смысла, но я нарядилась – все-таки это первый наш

совместный со Стасом праздник. Почти семейный. Новый год! Его я собиралась встречать в обществе своего... м-м-м... как же это сказать? Любовника? Нет, не совсем так. Молодого человека? Бойфренда? Какой же это бойфренд, если ему сорок один год. Мужа? Вот уж точно нет. Мы встречались уже несколько месяцев, и все это время Станислав старательно давал мне понять, что любовь – это не повод для взаимных обещаний или каких-то там обязательств, а я старательно делала вид, что с ним согласна.

– Черт, что ж такое?! – возмутилась я, заметив краем глаза, что чехол от платья все-таки свешивался наружу и цеплял землю. Я снова вылезла из машины, оставив ее греться с заведенным движком, и освободила платье. И вот, в тот момент, когда я захлопнула дверцу и снова села за руль, из-под пассажирского сиденья раздался голос Масяни.

«Возьми трубку, – тихонько начала она. Это были происки Ники, моей семнадцатилетней продвинутой дочери. Ей показалось скучным, что мой телефон поет голосом Энрике Иглесиаса, и она, безо всякого согласия с моей стороны, поменяла Иглесиаса на Масяню, набиравшую обороты. – Возьми трубку! Возьми трубку, зараза, я тебе говорю! Че, не слышишь? Совсем оглохла?»

– Да заткнись ты, дура! – возмутилась я, ползая по полу. – Да где ж он?

«Бери эту чертову трубку!» – заорала Масяня не своим голосом.

– Ну, Ника, убью, – пригрозила я, выковыривая телефон из-под сиденья. Оказывается, я вчера выронила его в машине и, представьте себе, за весь вечер не обнаружила пропажи. Только слегка удивилась, что Стас так и не позвонил. Но, с другой стороны, если мы договорились встретиться прямо с утра... Зачем звонить?

– Алло? – не глядя на экран, спросила я. Телефон был таким ледяным, что я сморщилась и отодвинула его от уха.

– Надя? – зачем-то уточнил Станислав.

Я улыбнулась.

– А что, у тебя есть какие-то еще варианты?

Он помолчал, как всегда, когда я пыталась с ним шутить. Интересно, все серьезные, умные мужчины совершенно не понимают юмора или только мой такой?

– Я подумал, ты потеряла телефон, – как ни в чем не бывало ответил Стас. – Ты не отвечаешь по нему уже десять часов.

– Я забыла его в машине.

– И он до сих пор работает? Он же должен был весь промерзнуть и вырубиться! – с недоверием уточнил Стас. Все-таки образование – это вещь. Вот ведь какие вопросы задает.

– Пока держится, но может и вырубиться, – согласилась я, мельком посмотрев на экранчик. Зарядки оставался один жалкий столбик.

– Тогда слушай внимательно. Ко мне не приезжай. У меня тут родственники собираются нагрянуть, так что все от-

меняется. Ты меня слышишь?

– Да, – еле сумела выдавить я.

– Хорошо. Я тебе перезвоню потом.

– Так, а они надолго? Может, я завтра приеду? – выпалила я, прежде чем успела сообразить, что навязываюсь. Стасу это не нравилось. Ему вообще многое не нравилось из того, что я делала.

– У мамы дома ремонт. Не успели закончить, как обещали. Так что две недели...

– Что? Алло! Алло! – переспросила я, но ответом мне была тишина. В полном соответствии с законами физики мой телефон все-таки «умер». Хороша бы я была, если б Стас так мне и не до-звонился. Приехала бы, и что? Развернулась и уехала обратно. Впрочем, это было бы ненамного хуже, чем то, что случилось сейчас. Я сидела во дворе своего дома, в красном пальто и с покрасневшими ушами, ведь шапку я не надела, боясь помять прическу, и совершенно не могла понять, что делать дальше. Десять утра тридцать первого декабря, и полная растерянность с моей стороны. Все планы сгорели, а других у меня просто не было. Более того, поскольку мы запланировали встречать Новый год у Стаса, свою квартиру я отдала в полное и безраздельное пользование дочери, причем вплоть до самого вечера первого января. Это как минимум.

– Mam, если вдруг надумаешь вернуться раньше, обязательно позвони, а то мало ли... – предусмотрительно преду-

предила Ника.

У нас с нею прекрасные отношения, она в некотором смысле даже шефствует надо мной – деточка моя, – взрослая не по своим семнадцати годам. И что я ей теперь скажу? Подвиньтесь, я тоже буду петь под гитару песни «Короля и Шута»? Я закрыла машину, забрала из нее маленькое черное платье (а ведь Стас его еще не видел!) и пошла обратно. Домой.

– Мам, это ты? – слышался из кухни голос Ники. – Что-то забыла?

– Примерно, – тихо пробормотала я и села на пуфик в прихожей.

У меня даже не было сил раздеться и снять свои ледяные сапоги на шпильке. Черт, все это задело меня сильнее, чем я думала. Просто пропустить встречу со Станиславом Шуваловым – это бы я еще как-то перенесла. Нормально перенесла бы, но я вообще осталась без праздника. С кем теперь встречать Новый год?

– Чего забыла-то? – Ника выскочила в коридор.

Она сильно вытянулась за последний год, на голову выше меня, что, впрочем, неудивительно. Я-то сама – тощая мелюзга с жалобным взглядом, а Ника у меня совсем взрослая девушка. Чего стоит современному подростку меня перерастить.

– Ты знаешь, кажется, меня саму забыли, – грустно улыбнулась я.

– В смысле?

– К Стасу приехали какие-то родственники. Кажется, с мамой.

– С его мамой? – не поняла Ника. На ней был мой передник, руки в муке. Интересно, это нормально, что моя дочь умеет печь пироги, а я нет?

– Не знаю. Уж точно, не с моей, – ухмыльнулась я.

Моя мама, Никина бабушка, была дамой зубодробительной. Один Новый год под одной елочкой с нею был равносителен неделе каторжных работ.

– И что теперь? – вдруг дошло до Ники. Она с подозрением посмотрела на меня. – Остаешься дома?

– А ты как думаешь? – разозлилась я. В конце концов, я не виновата. Пусть смотрит этим возмущенным взглядом на Шувалова.

– Ладно, – примирительно хлопнула в ладоши Ника и улыбнулась. – Только не жалуйся потом. Будет громко, и в твоей комнате будет танцевальная площадка. Так что спать сможешь только завтра. А в остальном... оставайся.

– И на том спасибо, – уныло кивнула я.

А что мне еще делать? Упаду на собственный диван, прямо так, прямо в красном пальто.

...Я попыталась расплакаться, но слезы не шли. Мне не было, в общем-то, грустно или обидно. Ощущалась лишь какая-то общая дезориентация и непонимание, куда плыть дальше. Если бы Стас предупредил хотя бы за пару дней, хо-

тя бы вчера... если бы я не забыла телефон в машине!..

– Мам, пальто-то сними. Жалко, – засунула нос в мою комнату Ника.

– Не хочу, – закапризничала я.

Дочь пожалала плечами и поставила рядом со мной чашку. Я дождалась, пока она выйдет из комнаты, и посмотрела, что в ней. Мой любимый зеленый чай с жасмином и медом! «Ну и черт с ним, с Шуваловым, подумала я, делая глоток чаю. В конце концов, это всего лишь один долбаный день. Что он меняет? Мы встретимся завтра. Хотя нет, он что-то сказал про две недели. Или он не то имел в виду? А что? Надо бы ему перезвонить, но где же...» Тут я поняла, что опять забыла телефон в машине.

– Дура-дура! – выругалась я и пошла за ним.

После некоторых манипуляций по оживлению мобильного и приведению его в чувство я набрала Стаса.

– Абонент временно недоступен, – ехидствовал автоответчик.

Вот вам и с Новым годом. Зато на моем голосовом ящике была куча сообщений.

– Надюшка, как ты? С наступающим! У нас парни будут устраивать оргию в офисе пятого января, ты приглашена. Отказов не принимаем! – Это пьяное сообщение от Иришки, одной моей хорошей подружки по работе. Я отстучала СМС, что на оргии буду обязательно и даже принесу с собой тортик.

– Купи туалетной бумаги и еще что-нибудь попить. Лучше тархун! – это от Ники.

Я усмехнулась. Сообщение нашло своего героя, когда автор уже все купил сам. Не имея веры в меня, Ника сама вчера сходила в магазин, что рядом с нашим домом. Я туда не хожу по причинам личного характера. Подробности рассказывать долго, а если вкратце: там на кассе работает одна белобрысая кассирша с сильно намалеванными глазами, мы с ней когда-то подрались из-за мужика (моего бывшего мужа).

Так, следующее сообщение:

– Надежда, что у тебя с телефоном? У меня нет шампанского, привези немедленно. И скажи своему Станиславу, что Новый год – семейный праздник, его следует справлять с родителями. Это нехорошо – оставлять мать одну. – Это от мамы.

Черт, она подумает, что я ее проигнорировала. Это страшно. Очень страшно. Надо перезвонить.

Так, что там еще? Хотя после маминого послания меня уже ничто не интересовало. Что ж, если на то пошло, я могу поехать к ней, и отпразднуем вместе. Мама расскажет мне, какая я плохая дочь, а я, когда выберусь от нее, пойму, что моя жизнь не так уж плоха.

– Надька, твою мать! Куда пропала? Весь вечер звоню, а ты не берешь трубу. Все любовь, да? Мы с Маринкой поздравляем тебя с наступающим. Пусть год будет здоровым, страстным, сытым-пьяным. Увидимся на даче! – Это было

от Розочки, моей стародавней дачной подружки.

Дачу я любила сильно. Ей, даче, было двадцать пять лет. Папочка, светлая ему память, получил этот участок, когда мне было десять лет, и сам выстроил там наш маленький срубчик с теплой каменкой. Там, на краю участка, стояла пушистая зеленая елочка, посаженная его руками. Когда-то она была малюсенькой, а теперь вымахала выше дома. Уже даже и не нарядишь, такие лапищи. А еще мы с папой там вместе собирали грибы в нашем лесу. Дача – это хорошо.

Я набрала Розин номер. Мама со своими нотациями может и еще пару минут подождать.

– Розалинда! С наступающим, старая ты карга! – поздравила ее я.

– От такой слышу, Кошечкина дочь. Все цветешь, как всегда?

– А как же! Как вы там поживаете? Как Маринка? Как внучка? – Маринка была Розочкина дочь, в детстве она любила играть с Никой, хоть и была ее на четыре года старше. В прошлом году она родила девочку, а сейчас, к моему крайнему удивлению, она училась в какой-то странной гуманитарной академии туризма. Что ж, это хорошо, что сейчас так много вузов, у меня у самой в этом году дочь заканчивает школу. Надо будет куда-то поступать. Розочка души не чаяла во внучке, а вот мужа своей дочери на дух не выносила.

– Если бы не этот подлец, Маринка вышла бы замуж за олигарха, – хохотнула Роза.

– А где вы его взяли бы? – усомнилась я.

– Нашли бы! У тебя нет? – ухмыльнулась Роза.

– Такого не держим-с. От нас и НЕолигархи уходят! – развела я руками.

Когда-то, давным-давно, когда Нике было годика три, меня оставил светлой памяти Леонид, Никин отец, так и не ставший моим законным мужем. Ушел вдаль со словами: «Ты – баба хоть куда, но твоя мама в могилу сведет любого». В то лето я бы сильно страдала, наверное, но именно тогда же от Розочки ушел муж, вполне официальный и оставивший ее одну с семилетней Маринкой. Все лето мы поливали мужиков грязью на все лады и с тех пор по-прежнему любим поболтать на эту тему.

– Как там твой Стас?

– Ничего. Нормально, – немного охолонула я. Тема была неправильной.

– Вы с ним будете Новый год праздновать? Мы с Маришкой решили завалиться на дачу, пусть малышка воздухом подышит, глотнет кислороду. А то тут, в Москве, перешли практически на азот. Ну, и там компания будет, настойку мою клюквенную из подвала достанем. А вы как?

– Мы прекрасно. Он у себя дома, а я – у себя, – призналась я. – К нему родственники приехали. Пришлось все отменить.

– То есть? – не поняла с первого раза Роза.

– Ну... к нему мама приехала, родственники...

– Вот бы и познакомились!

– Да не хочу я. – Я замотала головой.

– Так это ты не хочешь, – выдохнула Розочка. – Тогда ладно. А то я уж было подумала, что он тебя стесняется.

– Ну... что ты. Просто... да. Это он так решил.

– Ну мать, ты даешь! Может, ему дверь поджечь, чтобы знал? – предложила подруга.

– Не надо, – отказалась я. Мы замолчали. Я молчала подавленно, а Розочка сконфуженно.

– Слушай, а ну их всех к черту! Давай-ка, мать, к нам. Садись в свою одноглазую тачку и дуй на дачу. Мы твою елку нарядим... нижние ветки. И вообще, у тебя дом теплее. А? Как?

– Идет! – недоверчиво кивнула я. – Ты это серьезно?!

– А то! Мариш, что ты скажешь, чтобы накрыть поляну у Надьки? – куда-то в сторону спросила Роза. – Маринка одобряет. Маську спать уложим и будем у тебя гудеть.

– Как это? А если она заплачет? – испугалась я.

– Темнота! – хмыкнула Роза. – А портативная няня на что? Услышим. Но вообще-то она у нас спит отлично. Так что скажешь?

– Даже не знаю, – засомневалась я. Честно говоря, не то у меня было состояние, чтобы, как выразилась Розочка, гудеть. – А вы уже там?

– Ага.

– Вы можете и без меня там все развалить и привести в негодность. Слушай, у меня там ключи под крыльцом. Ты

знаешь где? Помнишь? Вот берите и празднуйте.

– Ага, а ты, значит, будешь в новогоднюю ночь в подушку рыдать, положив на нее фотографию своего чертова Станислава? – рассердилась Роза. Все-таки столько лет вместе – это не могло пройти даром. Она прекрасно меня изучила. Что-то подобное я и собиралась делать. Плюс мешать своей дочке Нике веселиться в пустой квартире.

– Не буду я рыдать. Ладно, я еду, – хмуро согласилась я.

– Вот и молодец. Привези нам еще майонеза, – засуетилась она.

– У меня все есть, – кивнула я.

Надо же, не зря я продукты-то из багажника не выгружала. И вообще, идея уехать прочь из грязно-серого Бутова за город, где поля покрыты снегом, а от тишины звенит в ушах – не такая уж и плохая.

– Ладно, ключи я найду, – заверила меня Роза. – Считай, мы уже идем. Давай-давай, встряхивайся из квартиры!

Обратное превращение меня из красавицы (если можно так сказать) в красном пальто в чудовище, а вернее, в нормальную женщину в дутиках и пуховике, заняло десять минут. Я надела рейтузы, свитер и большую теплую розовую шапку с ушами. Натянула джинсы, а на размазанную слезами косметику наплевала и смыла. Кому мне там показываться, верно? Мой престарелый «Фольксваген Гольф» дожидался меня с еще не остывшим даже движком.

Эту действительно очень странную одноглазую машину

купил еще мой папа взамен более странной машины марки «Жигули», которая больше походила на средство массового поражения, чем на автотранспорт. В «Гольфе» же все было хорошо, кроме ксеноновых фар, которые установил безымянный позапрошлый владелец. Фары жили своей, совершенно отдельной, жизнью и не всегда делали это парой, часто поодиночке. Мой «Гольф» в основном был как одноглазый бандит. Есть ведь однорукий бандит, верно? Такой автомат, кажется. А я езжу на одноглазом автомобиле.

– Мам, ты куда? – крикнула мне вслед Ника. Я запоздало вспомнила, что ничего ей не сказала.

– Меня Роза пригласила. Я на дачу. Ты справишься?

– Шутишь? – радостно улыбнулась дочь. – Конечно, мы справимся!

– Ну, с Новым годом, – кивнула я и ускакала к лифту.

За закрытой дверью я отчетливо слышала «ЙЕС!». Что ж, рада, что эта ночь хоть кого-то сделает счастливой. А я, если честно, вполне была рада увидеться с Розой. Мы не виделись с лета, вернее, с осени, когда вместе с ней собирали грибы. Опят в этом году было мало, но погода стояла чудесная, сухая и теплая. А собирание грибов – это, как мне кажется, один из видов медитации. Очень полезно для психики. Даже Шувалов, когда мне удалось его затащить по грибы, ничего не собрал, но был румяным и счастливым, как никогда.

Наше дачное товарищество забилося в лесную глушь за

сто с лишним километров, как теперь принято говорить, от МКАД, в Шатурскую область. Хорошо еще, что Стас соизволил сообщить мне об изменении своих планов с утра. Что бы я делала вечером, если мне по мерзлой дороге только до дачи пилить три с лишним часа. Хорошо хоть, что дороги были пустыми. А особенно хорошо, что мой домик встретил меня теплым светом окошек и салатной суетой на маленькой терраске.

– Надюха, слушай, как ты хороша! – восхитилась Роза. – Любовь ей к лицу. Надо же, даже пара килограммов отку-да-то выросла.

– Да и ты прямо королева! – не отставала я, хотя и я в китайском пуховике, и Роза в телогрейке и валенках были, мягко сказать, не для подиума, это точно.

– Мам, ты помидоры порезала? – высунулась из комнаты с печкой Марина. На руках у нее сидело совершеннейшее чудо – щекастая румяная девочка в розовых ползунках.

– Ой, какая прелесть, – заулыбалась я. – Дай подержать.

– Да хоть обдержитесь, – радостно передала мне дочку Маринка. И моментально скрылась в комнате. Девочка, которую все называли Маськой (видимо, Маша, а переспрашивать было как-то неудобно), с недоверием смотрела на меня. Я же с недоверием смотрела на нее. Господи, с тех пор, как я в последний раз держала на руках ребенка, прошло... сколько? Почти семнадцать лет? Я что, старуха?

– Да все я порезала, причем давно! Отстань, не учи меня.

Учи мужа, – громко возмущалась чему-то Роза. Кстати, мужа Маринкиного почему-то не было.

– И куда положила-то ты их? На печку? – полюбопытствовала Маринка.

– Твою мать! – всплеснула руками Роза.

Я посадила Маську на кровать и сняла свитер. Рядом с печкой стоял уже накрытый стол. В качестве скатерти выступила моя старая белая простыня, но зато сам ассортимент закусок был выше всяких похвал. Стандартный набор в лучшем исполнении: много оливье, много бутербродов, немножко соленых огурцов и большая бутылка самогона. Редко когда на моем столе столько еды.

На все это изобилие взидала какая-то незнакомая мне женщина в вечернем платье, а рядом с ней сидела Дашка Лодочкина, давняя Розкина подруга.

– Надька, сколько лет, сколько зим! А это Лариса, подруга моя. Психолог, между прочим, – радостно заулыбалась Дашка, подставив румяные с мороза щеки для поцелуя. Мы с ней были мало знакомы, потому что в основном виделись только в Розочкины праздники.

– Очень приятно познакомиться. Классно, что и ты тут, – ответила я и плюхнулась рядом.

Лариса подвинулась, но продолжала молчать и смотреть по сторонам. Наверное, она ждала, что здесь будет шумная вечеринка с мужиками и всем прочим. Но тут были только мы и мой дом, который дышал теплом и был наполнен аро-

матом сухих березовых дров. В нашем доме, если посильнее натопить, можно даже париться. Сейчас было самое время для живого огня. Мы трындели о том о сем, тихо млея. Маринка стояла и держала в руках тарелку с помидорами.

– Теперь это не помидоры, – ехидничала она. – Теперь это – лечо. Только добавить рис.

– Маринка, брось! – толкнула я ее.

Маринка встрепенулась:

– Ой, тетя Надь. Может, порежете крабовые палочки? А то мать и их в печку запихнет, без салата останемся. – Она подсунула мне под руку доску, и я наконец занялась делом.

Оказывается, чтобы привести в порядок мозги, иногда достаточно порезать салат. Или что-то убрать, погладить. Перебрать пшено, посадить десять розовых кустов. Золушка, наверное, была очень спокойным человеком. Хотя о чем я? Ей же тоже приходилось выносить всякие номера своего принца. Чего стоит его готовность жениться на любой, кому подойдет туфелька? Интересно, а что бы сделала Золушка, если бы принц попросил ее не приходить на бал, потому что туда приезжает королева-мать?

– Надь, ты решила стереть палочки в порошок? – поинтересовалась Роза, глядя, как я самозабвенно крошу их на доске.

Я остановилась и вздохнула.

– Переживаешь? – спросила она.

Я кивнула.

– Просто весь день пошел не так... как думала.

– Он хороший хоть мужик? – спросила Роза, подсев ко мне. До Нового года оставалось еще несколько часов, а я уже почти засыпала. Наверное, от воздуха.

– Он прекрасный, но я боюсь, что он совсем не думает обо мне. Еще осенью все было совсем не так. Мы могли разговаривать часами.

– Люди к хорошему быстро привыкают, – философски заметила Роза. – А ты – очень хорошая. Наверное, он даже не понимает, насколько ты хороша.

– Да брось ты, я самая обыкновенная, – возмутилась я. Вечно Роза натащит эпитетов.

– Дура ты. Он обязан был тебя пригласить и познакомить со всеми. Что это за ерунда, ты же не тащишь его в загс!

– Не тащу, – подтвердила я.

– Наливай.

– Уже? Еще же только девять? – удивилась я.

– Слушай, я уже заколебалась резать эти дурацкие салаты. Сначала резать, потом есть, а потом голодать, чтобы похудеть. Какой-то замкнутый круг. Давай-ка лучше выпьем клюквенной.

– Да ты что! – хихикнула я. – Ой, люблю я твою настойку на клюкве.

– Давай-давай. Выпьем за то, чтобы ни один мужик не мог испортить нам настроение!

– Или за то, чтобы иногда они нам его поднимали, – ак-

куратно добавила я.

В мои планы не входило расставание со Стасом. Честно говоря, он был и оставался лучшим мужчиной из всех, кого я только знала в своей жизни. И что, если он боится серьезных отношений? Расставаться с ним? А если нет, то можно дать стопроцентную гарантию, что настроение он мне портить будет. Периодически. Вот хоть как сегодня, например.

– Нет в тебе гордости, Надюшка, – заявила Роза, опрокинув стопку.

– Нету, Роз. Ни грамма.

– Эх ты, как же ты не понимаешь! На таких, как ты, никогда не женятся.

– Почему? – обиделась я и тоже опрокинула стопку.

Мутноватая огненная вода обожгла гортань, заставив на минуту забыть обо всем. Все-таки приличные женщины не должны бы пить такие крепкие напитки. Но нам с Розой никогда не получалось оставаться в рамках приличий.

– Вы знаете, – вдруг неожиданно к нашему разговору присоединилась Лариса, Дашкина подруга, – мужчины готовы жениться теперь только в самых крайних случаях. И их надо уметь к этому подвести.

– Сомневаюсь, – возразила ей Дашка, у которой семья была в подвешенном состоянии гражданского брака все последние десять лет. – Моего хоть под уздцы веди, не затащишь. Он лучше съест перед загсом свой паспорт!

– А Маришкин как-то легко женился, – вздохнула Роза,

снова наполняя бокалы. – Давайте-ка, девочки, проводим старый год.

– Давайте! – радостно согласились мы.

Маську забрали и понесли укладывать, да она и сама уже спала на руках. Воздух здесь не в пример московскому, взрослого с ног валит. У нас была еще целая ночь впереди на то, чтобы обсудить все тайны мужской души. И хотя ни одна из нас (включая и Ларису, как оказалось) не была замужем в традиционном смысле этого слова, мы с удовольствием давали друг другу советы. Интересно, что чем дальше уходил старый год и чем ближе становился новый, тем страннее и оторваннее от реальности становились наши советы. Около часу ночи мы плюнули на все и пустились в пляс, сотрясая стены моего деревянного домика. Было хорошо. Нет, правда, было здорово. На самом деле! Клянусь!

Ну, да, немножко хотелось плакать, когда я думала, что где-то там, в Москве, за праздничным столом Станислав Шувалов сидит и смеется над чьими-то шутками. И поднимает хрустальный бокал, чтобы сказать какие-то пожелания в Новом году. А меня там нет, и я не слышу, о чем он мечтает без меня. Интересно, он вообще-то вспоминает обо мне? Единственный способ проверить это – выйти на улицу и попробовать поймать зону действия моей телефонной сети. В доме абоненты были глухо недоступны, потому что в Шатурской области телефонных вышек был самый необходимый минимум.

Я потихоньку выбралась в прихожую, прихватив пачку сигарет, и влезла в Розочкины валенки. На дворе стояла морозная снежная ночь, просто сказочная, когда небо буквально набито звездами, как ЖЭК людьми за пересчетом квартплаты.

– Красота-то какая! – ахнула я, задрав голову. Подошла к папиной разлапистой елочке, прижалась варежками к ее стволу. – Привет-привет. Как ты тут? Зеленеешь?

«А то», – кивнула елка, стряхнув мне на лицо снежок.

Я стряхнула с маленькой лавочки снег, села, включила телефон. Он пикнул и встал на прием. Я ждала и курила под елочкой, как заяц. Заяц с пачкой «Winston», ха-ха.

– Теть Надь, можно? – окликнул меня чей-то голос.

Маришка.

– Чего можно-то?

– Сигаретку, – смущенно попросила она.

Я пожала плечами и достала пачку.

– А как мама на это смотрит?

– Она не знает. Вы не скажете?

– Я-то? Нет, не скажу. Но вообще-то это вредно. Особенно кормящим матерям, – зачем-то добавила я.

– Это понятно. – Маришка кивнула и с удовольствием затянулась. – Только я уже не кормлю. Кончилось молоко.

Я посмотрела на телефон. Может, какой неотвеченный вызов. Хоть одна эсэмэска. Ничего.

«Он никогда на тебе не женится, дура!» – раздалось у ме-

ня в голове. Неужели это так и есть, и вся эта любовь-морковь, которая была между нами, – лишь плод моего воображения? Я не знала, что думать, и поэтому пошла делать то единственное, что можно делать в такой ситуации. Что? Выпивать, конечно же. Выпивать и плясать, чтобы этот чертов Стас не почувствовал, как сильно я по нему скучаю.

Глава 2

Конкурс на лучшую новость выигрывает Кирилл

Моя жизнь никогда не была какой-то особенной. Все как у всех. Ничего из ряда вон. Я говорю об этом без грусти или недовольства собой, просто констатирую факт. Я самая обычная маленькая худая женщина с рыжими волосами, в которых уже заметна первая седина. От этого я спасаюсь краской «Лонда». Сколько еще человек в нашей фирме пользуется ею? Человек двадцать, не меньше. Все как у всех. Ну и что такого? Почему считается, что только тот прожил жизнь не зря, кто что-то такое сделал? Выкинул какой-то номер, от которого все ахнули. А я не выкинула. Хотя... как посмотреть. Родила же я Нику, еще не отпраздновав свое восемнадцатилетие. Моя мамуля заверяет, что тем самым я сломала себе жизнь. Может быть, может быть... Сидя под папиной елочкой и ожидая у моря погоды (а именно, эсэмэски от Стаса или хоть от кого-нибудь), я вдруг действительно почувствовала, что моя жизнь трещит по швам. Что у меня в жизни есть? Должность конфликтного администратора, доставшаяся мне случайно, – раз. Я имею возможность перебирать бумажки, выслушивать возмущенные речи клиентов и достигать совершенства в искусстве общения через Интер-

нет. Еще там у меня есть окно, из него видно трубу, которая пыхтит белыми облаками. Что ж, я люблю свою работу. И я люблю своего босса – Станислава Сергеевича Шувалова, будь он неладен. Эсэмэски не было. Ни одной. Может, надо было чаще говорить ему «нет»? Может, он не уважает меня? Может, он никогда на мне не женится? Хотя я вроде этого не планировала. Пока.

– Надь, тебе там мама звонит. – Из домика высунулась раскрасневшаяся Роза.

– То есть? Моя мама? – не поняла я. – Где там?

– Там – это в моем телефоне, – раздраженно добавила она. – Твой отключен за неуплату. И конечно же, твоя мама. Моя, царствие ей небесное, мне уже давно не звонит.

– Что?! – ахнула я. – Как отключен?!

– Откуда я знаю? – Она еще плотнее запахнула телогрейку. – Ты мою Маринку не видела?

– Маринку? – сфальшивила я.

Маринка замерла рядом, затаившись за толстым еловым стволом. Мне отлично было видно, как в ее замерзших пальцах тлеет сигарета. – Не-а, не видела.

– Давай иди, а то твоя мать меня слопает, – Роза фыркнула и скрылась в доме, а я поплелась за ней.

Мама – это тяжело. Но, с другой стороны, может быть, Стас мне тоже уже все провода оборвал, а я ни сном ни духом? С техникой я не дружу, не знаю, как там все у них в телефонных фирмах устроено. Может, они после полуночи

сняли мою абонентскую плату, а может, это Дед Мороз решил сделать мне подарок и не дать Стасу до меня дозвониться?

Я не без удовольствия вообразила, как он сейчас мучается, даже не представляя, куда я подевалась. Наверняка лопает конфеты, свои любимые, шоколадные, и думает, где это меня носит. Ха-ха, я гордая женщина, знаю себе цену! По крайней мере, в эту ночь. А как эту ночь проведешь, так и год пройдет.

Я взяла Розочкин телефон и поднесла его к уху. В телефоне настороженно сопели.

– Дорогая мама, поздравляю тебя с Новым годом. Желаю тебе счастья, здоровья и побольше радости.

– Откуда же у меня возьмется здоровье, если я должна ночи напролет переживать! – моментально отозвалась она. – У меня уже круги перед глазами, наверное, давление поднебесное.

– Мам, подожди...

– Как ты могла вот так пропасть?! А если бы со мной что-то случилось?! Ты никогда обо мне не думаешь. Я всю жизнь на тебя положила, а тебя интересует только этот Стас, которому, между прочим...

– Мам, остановись на секундочку, – пыталась я ее прервать. Безуспешно, как, впрочем, и всегда.

– Между прочим, я всегда знала, что ему на тебя наплевать. Кто он тебе? Никто! Никакой ответственности. Вот по-

чему ты на даче? Ты же собиралась с этим своим Новый год справлять. Ко мне не приехала, Нику оставила одну! Вот ты знаешь, чем сейчас дома Ника занимается?

– Я уверена, что моя Ника ничем плохим не занимается, – обиделась я.

– Да? – поддела меня мама. – Я когда-то тоже так думала. И чем это кончилось?

– Никой и кончилось. И что такого? Разве это так уж плохо? – обиделась я.

– Хорошо еще, что все так закончилось, – фыркнула мама. Она уверена, что со мной может быть только два варианта – очень плохо или совершенно ни в какие ворота. Второе чаще.

– Ладно, мам, что ты хочешь? Я в лесу, кругом зимняя ночь. Можно, я просто позвоню тебе завтра? Можно, я не буду ничего тебе говорить?

– Про Стаса? – уточнила она. – А что ты можешь сказать? Что ты уверена, что он тебя любит? Ха-ха, если бы он тебя любил, то ты была бы сейчас с ним.

– Спасибо, ма. И спасибо, что ты меня родила... чтобы было кого мучить, – не выдержала я. Нервы ни к черту, в конце концов, уже больше двух часов ночи, чего ей не спится?

– Я желаю тебе только добра, – заверила меня мама. – Завтра я тебя жду у себя в пять часов. Посидим, отметим Новый год.

– Слушаюсь, – устало согласилась я и повесила трубку.

Моя мама – это мой личный полигон для выработки безграничного терпения. И, конечно, лакмусовая бумажка моей жизни.

– Что, тяжело? – с сочувствием спросила Лариса, Дашкина подруга.

– Не то слово. Прямо столько лет, а никакого прогресса, – поделилась я. – Может психология все это как-то объяснить?

– Может, – влезла Дарья. – Только вряд ли тебе станет легче, потому что по законам жанра окажется, что во всем виновата только ты сама. Потому что позволяешь, потому что реагируешь и так далее.

– На самом деле мне кажется иногда, что она хочет меня поломать на дрова и засунуть в печку. А ведь я даже не сомневаюсь, что она меня действительно любит, – пожаловалась я, закусывая самогонку соленым грибом. Если постараться, наверное, можно вспомнить, где мы с Розой его нашли. Приблизительно, конечно. Мой телефон был отключен за неуплату, а кроме мамы, никто не был в состоянии найти меня здесь. Я почувствовала прилив веселья.

– Пошли палить салют! Двенадцать залпов – это вам не хрен собачий! – заявила Роза. Мы сунули ноги в валенки. Особенно хороша была Лариса – пьяная, с размазанной косметикой, в валенках и в вечернем платье. Я сняла ее на камеру телефона. Будет что вспомнить. Мы высыпали во двор, под бескрайнее звездное небо. Высоко, между Большой и

Малой Медведицей, висела почти полная луна. Тишина звенела покруче церковного колокола. Снег скрипел под ногами, а мы пьяно толкались вокруг коробки с салютом, разбирая инструкцию.

– Написано, что не ближе тридцати метров от жилых строений.

– И хрен с ним! Разве это жилые строения? – Роза махнула в сторону моей хатки.

Я возмутилась:

– Ну и не барак.

– Тогда там, – она кивнула на елочку.

– Только не там. Не хватало еще, чтобы ты единственную живую елку спалила!

– Хорошо. Давай на соседнем участке, – хихикнула Маришка, и мы прошмыгнули к занесенному снегом огороду Матвеевых.

У них на участке почти все было отдано огороду, на котором они умудрялись выращивать картошку и прочие корнеплоды практически в промышленных масштабах. С краю притулилась маленькая сараюшка, которая нас никак не смущала.

– Поджигай, что ждешь? – торопилась Роза.

– Не толкайся! Ай! Твою мать! – Дашка щелкала зажигалкой и материлась.

– Что такое?

– Зажигалкой пальцы обожгла!

– Дай сюда, криворукая ты моя. – Роза вырвала у нее «Крикет» и принялась возиться сама. Через минуту что-то такое зашипело.

– Ну что, горит?

– Не пойму. Просто шипит.

– Дай посмотрю! – влезла я.

– Вот не пойму, горим – не горим. – Мы сгрудились над тускло дымящимся шнуром.

– Вы че, дуры? – взвизгнула Маришка. – Оно щаз рванет, это ж этот... шнур.

– Сергей Шнур?! – хихикнула Лариса и вытерла мокрую ладонь о свое платье.

– Валим, бабы! – закричала Роза.

Я краем глаза заметила, как шнур загорелся наподобие палочки бенгальского огня, как мы попытались бежать, но споткнулись друг о друга и повалились на снег. Мои плечи сотрясались от пьяного хохота. Кажется, с остальными происходило то же самое.

– Хватит ржать. Вставайте, идиотки! – шипела Дашка.

Лариса ползала по снегу на коленях, запутавшись в подоле.

– От идиотки слышу, – возразила Роза.

Мы попытались встать, но, как только я оказалась на ногах, громкий «бум» повалил меня обратно. Я же утянула за собой Розу.

Салют выпалил в небо свой первый залп из двенадцати.

Я откинулась на снег и попыталась объять взглядом небо. Оно было поистине прекрасным. Искры от рассыпавшегося по небу салюта ярко осветили все вокруг, разлетевшись разноцветными яркими цветами. Я открыла рот и смотрела, как настоящие звезды проступают сквозь гаснущие искусственные. В этот момент бабахнуло снова. И снова, и снова, и снова... Мы даже протрезвели от такой красоты.

— Е-мое! Твою... это...

Из наших открытых ртов вырывались только междометия и неприличные слова. Пик восторга. В итоге пострадавших не было, кроме разве что затоптанного соседского участка. Но они точно не появятся на нем до весны.

Наутро студеный воздух охладил натопленную комнату, потому что мы, оказывается, забыли закрыть окно. Головная боль не мучила нас, потому что похмелья на природе не бывает по определению. Немытые тарелки сползли в таз с подогретой водой. В печи затрещали дрова. Мы достали старую колоду карт и лениво перебрасывались в дурака, дожидаясь времени, когда уже будет приличным выпить по бутылочке пива. Все знают, что пить до двенадцати вредно. Я же не стала пить. Мне еще надо было проделать обратный путь. Я проеду сквозь пустое спящее Подмоскovie, и перемирие закончится. Я положу денег на телефон и узнаю наконец, кто мне звонил, а кто нет. Может, какие-то СМС архивируются до лучших времен. Надежда перемежалась сомнением. Вдруг я Стасу совсем не нужна? Вдруг он познакомился на праздни-

ке с какой-нибудь смешливой ласковой женщиной, которая смотрит на него, как на чудо? Все может быть! Если так, я ничего не хочу знать. Я бы провела еще день или даже два в блаженной уверенности, что он обыскался меня. Хорошо, что мой оператор сети не предоставляет мне права получать звонки при нулевом балансе. Там надо было к чему-то подключиться, что-то там активировать, но я не дружу с техникой. И поэтому выиграла хотя бы сутки спокойствия.

– Ты уверена, что надо ехать? – волновалась Роза, собирая мне в дорогу банки с солеными грибами и квашеной капустой.

– Зачем ты, не надо, – пыталась отбиваться я, но Роза никогда не выпускала меня без банки опят.

– Может, позвонить твоей маме и сказать, что у тебя колесо спустило? Останешься, посидим еще...

– Не надо.

– Почему? – удивилась Роза.

– Потому... не почему. Просто не надо, – разозлилась я. – Я поеду.

– К нему? – уставилась на меня Роза.

Я потупила взгляд.

– Может, он звонил.

– Скучаешь? – нахмурилась она. – Это плохо. Не бери в голову. Мужики этого не стоят.

– Конечно, – не стала я спорить.

– Главное, чтобы ты сама была в порядке. А мужик – дело

наживное.

– Роз, ты че? – возмутилась Лариса. – Он же ее еще не бросил. Просто так сложилось. Ну, не смог он.

– Ага, конечно, – закивали все.

Я села в машину, подавив комок в горле. Как же мы все мечтаем об этой самой настоящей любви. И как болезненна на самом деле бывает она. От отчаяния к восторгу я добирюсь за несколько секунд и спускаюсь обратно. Как можно оставаться собой, когда все твои мысли о другом человеке? Что делать, если без его рук я чувствую себя бездомной? И мне совершенно недостаточно, чтобы кто-то меня выслушал и что-то там понял. Сочувствие не помогает, когда ты ждешь любви.

Всю дорогу была тишина. Мне не хотелось даже слушать музыку и подпевать. Я включила «Эхо Москвы», хотя и ненавидела эту радиостанцию за нудятину, которую там крутят. Но он – Стас – всегда слушал именно эту радиостанцию. Так, по крайней мере, я могла представлять, что еду в одной машине с ним. И он ворчит, рассказывая мне о каких-то котировках, всякой ерунде...

Как только по пути попался вагончик «Евросети», я бросила деньги на телефон и стала взволнованно ждать.

Эсэмэски свалились на меня все вместе, в один момент, когда я проезжала Балашиху, словно бы они лежали в каком-то ведре и теперь его вдруг взяли, перевернули и вытряхнули в мой телефон. От Ники пришло странное сооб-

щение «Мама, отбей мне что-нибудь, а то я волнуюсь». Я с напряжением вчиталась, пытаюсь понять, что дочь имела в виду. Что я ей должна отбить? И за что? И как это должно ее успокоить. Через светофор до меня дошло, что она имела в виду клавиши телефона. Я отбила ей пару поцелуев и пожелания хорошо сдать тест «ЕГЭ» и поступить в вуз. В этом году такие были у нас мечты. Пришло много эсэмэсок от одноклассников. Интернет сплотил нас в единое целое, и мы переписываемся, хвалимся своими жизненными достижениями и немного вспоминаем, как оно было тогда, в школе. От одноклассников была куча пожеланий счастья и приглашения как-нибудь заглянуть. Но все это было мне не важно. Я пропустила все сообщения в поисках того единственного, от него. Оно было. БЫЛО! Я чуть в столб не врезалась. Всего несколько слов. «Позвони мне, когда появишься». Значит, он все-таки заметил, что я исчезла!

Я посмотрела в зеркало заднего вида, судорожно поправила прическу. А ну и что, что он меня не увидит, если я ему позвоню! Я должна сама чувствовать, что со мной все в порядке.

Я набрала номер.

– Привет, – как можно небрежнее сказала я.

– А, привет. С праздником! – Его голос звучал спокойно, безо всякого напряжения.

– Тебя также, – ответила я и подумала, что зря ждала чего-то более эмоционального.

– Ты дома?

– Нет, – коротко ответила я, не снизойдя до пояснений.

– А. Понятно. А я сегодня еду на вечеринку к друзьям, – радостно сообщил он.

– Здорово. – Я кивнула, заметив, что нам почему-то вроде бы не о чем говорить. Может, он хочет взять меня с собой? А что, это бы было просто здорово – познакомиться с его друзьями. Я же никого не знаю, и его я все еще ни с кем не познакомила. Кроме Ники, конечно. Это считается? Что вообще может считаться близкими отношениями? Чем они качественно должны отличаться от отношений несерьезных?

– Давай завтра встретимся?

– Завтра? – расстроилась я. Не пригласил. Может, мама права? Это было бы ужасно.

– Ну, завтра последний выходной. Может, съездим к тебе на дачу? Ужасно здорово было бы сделать шашлыки.

– Здорово, – уныло кивнула я. – Надо подумать.

– Я тебе позвоню, ладно? – пообещал Стас и отключил связь. Вот такая любовь, вот такие отношения.

Я заколотила кулаками по рулю. Потом вырубил радиопрограмму. К черту новости и политические дебаты. Я включила прозападную попсовую радиостанцию и докрутила звук до максимума.

– Козлина! – не сдержалась я.

Что же это такое, в самом деле. Мы вместе уже больше полугода. Все на работе знают, что он со мной спит. Куча спле-

тен и, как следствие, полное неуважение со стороны женской части коллектива. Мое место конфликтного администратора досталось совершенно заслуженно, но все уверены, что я на нем сижу только из-за того, что у меня роман с боссом. Да, я всегда была тихой мышкой, никуда не лезла, никому не мешала. Но место, которое никак не должно было стать моим, все же досталось мне. И по праву, но этот факт никто не желает знать.

«Она спит с Шуваловым, чего вы хотите?» – вот такие разговоры ведутся за моей спиной. А он не считает нужным знакомить меня с родственниками (что еще как-то понятно, я же тоже не спешу знакомить его с мамой). Но он не знакомит меня с друзьями, он развлекается сам, без меня. И, кажется, совершенно не переживал, что встретил Новый год без меня. Отряд не заметил потери бойца! Черт, надо с ним поговорить.

«Нет, только не это!» – Я попыталась не думать об этом. Ненавижу разборки такого рода. И все же... сколько все это может продолжаться? Вдруг ему просто удобно рядом со мной? Когда-то он сказал мне, что ему нечего мне предложить. У него за плечами неудачный брак, отъевший почти шестнадцать лет жизни и загородный дом. А также сын, с которым он никак не может найти общий язык.

«Но я же не собираюсь тащить его в загс!» – возмутилась я. Пустая Москва пропустила меня к родному Бутову за пятнадцать минут, и я сидела в машине около подъезда, не в си-

лах остановить грустные мысли. Да, загс для меня уже давно не главное, хотя было бы здорово снова войти в торжественный зал в красивом белом платье... Я тоже была замужем когда-то, его звали Кирилл, и он был совсем неплох. По крайней мере, он нормально принял Нику, а ведь не каждый мужчина женится на женщине с ребенком, верно? Вот только... и любви не было. А потом он привел домой кассиршу из нашего супермаркета и уложил ее в нашу постель, а я возьми да и вернись с работы пораньше, как в анекдотах. Смешно. Да, теперь уже смешно вспоминать, как я орала и бегала по квартире, пытаясь разбить бутылку вина (дорогое купил, падла) об Кирюшину голову, а его кассирша в одном белье стояла на лестничной клетке и кричала, что я психичка ненормальная. Цирк, да и только. С тех пор я не хожу за продуктами в этот супермаркет, а с Кириллом мы вполне мирно перебрасываемся поздравлениями. И от него тоже хранилась в памяти телефона СМС: «Желаю тебе всяческих успехов и счастья, вечно твой друг Кирилл». Если бы это написал Стас! Что он вечно мой, например. Но в том-то все и дело, что он совершенно не мой.

Я набрала Кирюшкин номер. Мне просто надо было с кем-то поговорить.

– Кирюшка, привет. С Новым годом. Тебе тоже успехов. И счастья самого светлого, – улыбнулась я.

– О, Надюха, как ты?! Где тебя носит, я тебе звонил ночью, но телефон был заблокирован.

– А, ерунда. Я на даче была.

– На даче?! Круто. Там сейчас, наверное, снегу?!

– Не то слово, – кивнула я. – Красотища!

– А как там твой Стас поживает? – Как это я забыла, что Кира обладает талантом моей мамы – попадать в самое больное место.

– Нормально поживает, – против воли мой тембр голоса изменился.

– Он с тобой ездил?

– Нет. Он не смог. Давай не будем об этом, ладно?

– Ладно, – мирно согласился Кирилл. – А хочешь, приезжай ко мне в гости.

– О, нет. Не надо. Это неудобно. И потом, твоя мама не выносит меня, – заупиралась я, хотя делать-то мне, в общем-то, было нечего. Пока Стас будет развлекаться со своими друзьями... или подругами.

– Ерунда. Мама уехала в Турцию. Посидим, повспомоинаем. Я тебя кое с кем познакомлю.

– С кем? – не поняла я. Что, у него есть на примете хороший друг для меня. Тоже охранник торгового центра, как и Кирилл? Он хочет устроить мою личную жизнь? Такая забота со стороны бывшего мужа – это нормально.

– Ты знаешь... – помолчал немного он. – Я, кажется, тут задумал жениться. Опять. Представляешь?!

– Что?! – ахнула я. – Seriously? Поздравляю! И кто она? Как вы познакомились?

– Ее зовут Алла. Она работает в банке. Слушай, приезжай, я вас познакомлю. Заодно посмотришь и скажешь мне, как она. Ну? Решайся! – Кирилл был искренним.

Вообще, надо признать, он неплохой парень, разве что несколько толстокожий. Вот и сейчас ему и в голову не пришло, что мне такое знакомство может быть неприятно. Но, кстати, оно мне и не неприятно. Ревновать того, кого не любишь, не так уж просто. Для этого нужно большое самолюбие и желание иметь при себе всех возможных мужчин. Это не мой случай. Самолюбия во мне ни на грош. Надо с этим, кстати, что-то делать. Но к Кириллу я ехать не хотела.

– Мне надо ехать к маме. Давай как-нибудь в другой раз.

– А завтра?

– Завтра я еду к Стасу, – быстро добавила я. Мы мило распрощались с Кириллом, а я поняла, что так дальше продолжаться не может. Сколько еще я буду просто сидеть и ждать, когда у Стаса найдется свободный день, чтобы увидеть меня. Сколько еще я буду корчить из себя невесту что, делая вид, что мне совсем не нужна стабильность и то простое бабское счастье, которое называется «семья». Нам надо поговорить. Как бы не был прекрасен Стас, такие отношения пусть лучше кончатся, чем будут продолжаться, как еле заметный пунктир, проходящий через мои одинокие дни. Нам надо поговорить.

Я набрала воздуха в грудь, запасаясь решимостью. Думать о том, что будет, если он... если мы... нет, этого представить

я не могла. Я вышла из машины, хлопнула дверцей и щелкнула сигнализацией. В моей жизни было и не такое, я все переживу. Наверное.

Глава 3

Легко сказать...

Сидеть за маминым столом, даже празднично накрытым, – это почти подвиг, что-то вроде полета над Арктикой на воздушном шаре. Маме было одиноко, но она никогда бы в этом не призналась. Поэтому опутывала меня всеобъемлющим дочерним долгом, раз совесть не позволяла ей просить меня быть с ней напрямую. Сказать простую фразу «я по тебе скучала» она считала недопустимой слабостью. Когда у мамы начал портиться характер? Сейчас кажется, что она была такой всегда, но это не так, потому что жизнь – штука длинная, и человек, который рождает вас, собирает вам в школу завтраки и отчитывает за дырку на колготках, может не иметь никакого отношения к старушке, одиноко живущей в своей квартире, ставшей слишком большой для нее. И свобода, которая была отвоєвана от семейной жизни ценой развода, оказалась слишком похожа на одиночество, а моя мама всю жизнь мечтала о свободе, к которой, как оказалось, была не очень-то готова. Они расстались с папой, и мама вот уже много лет тратит все силы на то, чтобы продолжать верить, что это было правильно. Нет, что это было необходимо. Потому что если нет, то... нет, моя мама никогда бы ни в чем не призналась. Такие, как она, не могут совершать ошибки. Особенно теперь. Папа давно умер, а это значит, что терза-

ния будут бессмысленными и бесконечными.

– Почему ты так ужасно одета? Ты что, хочешь, чтобы тебя приняли за дворника? – ворчит она, глядя на то, как я стаскиваю с себя все дутики и пуховичок.

– Мам, я же с дачи. Там на шпильках не пройдешь.

– Но ты же на машине? Вот мы в свое время ездили на электричках, все ради твоего здоровья. Садись, будем пить чай. У меня есть торт, мне его соседка принесла. Я бы могла, конечно, попросить тебя, но я знаю, что ты ненавидишь, когда я тебя дергаю, – мама поджала губы.

Она всерьез считает меня плохой дочерью. Надо же, как странно. Два раза в неделю вот уже много лет я приезжаю к ней, чтобы слушать ее придирки, убирать квартиру и обновлять запасы ее лекарств. И все-таки в ее мире я – ужасная дочь. И это не лечится. Обидно? Да нет, это просто жизнь. Это просто ее голова, и не больше. В ее сердце, я знаю, все иначе.

– Мам, я тоже привезла торт. Будем пробовать оба. Как ты себя чувствуешь?

– Да как я могу себя чувствовать?! – возмутилась она.

Я знала, что теперь могу минут двадцать просто сидеть и кивать, потому что тема самочувствия – мамина любимая. Если б могла, я бы прикрыла глаза и задремала – первое января оказалось слишком длинным для меня. Я очень устала. Завтра, если, конечно, ничего не изменится, Стас подкатит к моему дому на своей черной «БМВ», и мы снова по-

едем в Шатурскую область, а я буду сидеть и перебирать в голове все невысказанные вопросы и представлять себе всевозможные варианты его ответов. Много-много вариантов, в том числе и тех, после которых он уезжает, оставляя меня одну.

– Надежда, ты что, совсем меня не слушаешь? – Мамин возмущенный голос добрался до моего дремлющего сознания.

Я дернулась и пришла в себя:

– Ой, мам, чего-то я так пригрелась. Что ты сказала?

– Я сказала, что ты должна уже что-то решать с этим своим Стасом. Тебе тридцать шесть лет, это уже критическая точка, а для него ты явно просто развлечение...

– Мам! Тридцать пять вообще-то еще, – заметила я, но мама это проигнорировала.

– Тебе надо бы выбирать мужчин попроще. Вот зря ты не вышла снова за Кирилла. А ведь он предлагал.

– Мам!

– Что? Ой, помолчи. Одни глупости в голове. Любовь! Ну, что еще ты хочешь? Снова остаться ни с чем. Он тебе кто? Вот кто? Бойфренд? Тьфу ты.

– Я поехала, мам. С Новым годом, – выдавила я и начала судорожно собираться.

Мама вдогонку снова и снова кричала, что я должна думать о своем будущем. И что семья и любовь – разные вещи, а я ведь уже не девочка... Ее слова кусали, как осы. Навер-

ное, мама – это прямое отражение моего подсознания.

Дома я присела на кровать, включила ящик и попыталась ни о чем не думать. Ника еще разгребала последствия Большой Сходки в нашем доме, а по углам еще можно было найти пару-тройку ее сонных подружек.

Кто я Стасу? Я думала, что любимая женщина. Но выяснилось, что это не так!

– Мам, а вы как отметили Новый год? – полюбопытствовала Никуля. Под глазами у нее были темные круги, но сами глаза светились от счастья. Перед ней лежала вся жизнь, и она это знала. Как же мне с ней повезло!

– Отлично. Был очень красивый салют.

– А ты хоть что-нибудь ела? – поморщилась она.

– Да. У бабушки торт, – кивнула я. – Два торта.

– Понятно. Хочешь, я тебе пирожок принесу?

– Не очень. Я буду спать, – сказала я.

Но сказать – еще не значит сделать. Мне не спалось. Я блуждала в собственных мыслях, то проваливаясь в дрему, то снова вспоминая, что Шувалов, возможно, совсем меня не любит. К утру мне уже даже не хотелось этого проверять, однако... в девять часов мой телефон снова закричал Масяниным голосом, заставив меня подскочить на кровати.

– Стас?

– Да. Собралась? – коротко, по-деловому уточнил он.

– Конечно, – соврала я, протирая глаза.

– Я около подъезда. Выходи. Только не тяни, я очень пло-

хо запаркован!

– Сейчас, – стряхивая сон, кивнула я и огляделась.

Стасик ненавидел нарушать правила и инструкции. Он был помешан на социальной ответственности и прочей подобной чуши. Если он неправильно запаркован, то у меня есть совсем немного времени, прежде чем он снова позвонит и примется меня подгонять. Вообще, это так сложно – встречаться с человеком, который переходит улицу на зеленый свет и ходит на все выборы (даже в муниципалитет, а я даже не знала, что там бывали выборы).

– Ника, я уезжаю! Ты слышишь? – крикнула я, незаметно стащив у нее новый флакон духов «Нины Ричи». Хорошие у моей дочки друзья, раз дарят такие подарки. М-м-м, отличный запах.

– Ты куда хоть? А то тебе вчера тут обзвонились все, – сонно ответила она, выйдя в прихожую прямо в своей розовой пижаме и плюшевых тапках.

– На дачу.

– Опять? – не сдержала она удивления.

– Ага, – уныло кивнула я. – Стас решил туда съездить.

– Он вообще-то должен был...

– Ни слова. Пожалуйста, – жалобно попросила я.

Господи, какой кошмар, если уже моя дочь, даже она видит, что все не так, как надо. Я выскочила на улицу, где машина Шувалова стояла, перегородив выезд с кармашка парковки. Собственно, выезжать там никто и не собирався, но

Стас сидел в напряжении и, барабанив пальцами по рулю, ел шоколадную конфетку.

– Привет, – с облегчением выдохнул он, увидев меня.

– И тебя с тем же. – Я убрала с сиденья коробку конфет (и как он не боится растолстеть? Все же бояться!), села и посмотрела на него. Ну почему я должна что-то там выяснять, если мне просто достаточно взглянуть на него, и я таю от счастья?

Он сосредоточенно вел машину и иногда мимоходом переводил взгляд на меня.

– Ты не злишься? – вдруг спросил он.

– На что?

– Мама не должна была приезжать. Она собиралась уже закончить ремонт и праздновать Новый год дома, – неуклюже объяснился он.

– Ничего. У меня мама тоже может выкинуть любой номер. Никакой гарантии, – примирительно сказала я. А что еще надо было сказать? Что я была бы более счастлива встретить Новый год в обществе его мамы? Что я ужасно не уверена в себе?

– Ты устало выглядишь. Ника тебя не кормила?

– Я была не дома, – сообщила я и получила наконец-то хоть один удивленный и настороженный взгляд с его стороны.

– А где ты была?

– Не скажу.

– Нет? – Стас иронично поднял бровь. Это он уже успел про меня узнать, за те полгода, что мы встречаемся. Да, молчун из меня не очень, не умею я хранить секреты.

– Просто это глупость. Я была на даче, мы там праздновали Новый год, – призналась я. – Я только вчера вернулась, и вот я туда еду опять. Я даже не уверена, что Роза убрала там все после себя.

– Ничего себе. Кто такая Роза? А, это та, с кем ты по грибы ходишь? И что, были у вас там мужчины? – поинтересовался Шувалов.

– Только белые медведи, – усмехнулась я. – Я тебя с ними познакомлю.

– Договорились, – хмыкнул Стас и снова принялся крутить радиостанции.

Так мы развлекались постоянно. Он слушал новости, а я переключала на музыку. Он обратно на новости и потом ругался, говорил, что я бесполезный обыватель. И что из-за таких, как я, в нашей стране бензин не дешевеет, хотя нефть просела на бирже втрое. Как же легко и просто мне бы с ним было, если только ни о чем не думать!

Когда его руки уверенно и спокойно обнимали меня, мысли разбегались в разные стороны, оставляя после себя пепелище. Это было как раз то, из-за чего мне не хотелось говорить ни слова. Ни про отношения, ни про его ответственность, ни про мои мечты. Когда он рядом, я со всей отчетливостью понимала, что никогда в жизни еще рядом со мной

не было такого прекрасного мужчины. Я просто никогда не встречала таких. Возможно, что таких больше и нет вообще. И что, неужели есть причина, из-за которой я добровольно должна его потерять? Потому что он не знакомит меня с мамой? Бред. Или нет?

Мы подъехали к дому, вокруг которого еще не замело следы от моих шин.

– У тебя тут даже еще тепло, – присвистнул Стас, снимая в сенях свою дорожную черную куртку с меховым воротником.

Когда я впервые увидела Стаса, то подумала, что он выглядит на миллион долларов. Он тогда только получил место нашего директора и ходил по нашему офису в каком-то совершенно потрясающем костюме, держа в руке невероятный, несуществующий еще в России телефон. Со временем я поняла, что в руках Стаса все начинает смотреться дорого и стильно. Даже я. Рядом с ним я чувствовала себя женщиной, которую можно носить на руках.

– Давай еще подтопим? Холодно, все моментально выстужается. Наверное, девчонки только утром уехали, – сказала я.

Стас закатал рукава, у него были большие руки с длинными изящными пальцами, как у музыканта. Только играл он не на пианино или чем-то там таком, его скрипкой был черный ноутбук, который Стас везде таскал с собой в кожаной сумке, а когда он работал, то был немного похож на пианиста. Вообще, все, что он делал, он делал прекрасно. Кроме

каких-то естественных вещей, которые мужчина должен делать руками. Ни разу не видела, чтобы он забил гвоздь или ввернул какую гайку.

– Ты умеешь топить? – удивилась я.

– А почему нет? Чего там сложного? – удивился он.

– Вообще-то ничего, – пожала я плечами.

Стас сосредоточенно чиркал спичками.

– Что-то с ними не так. Может, они сырые? – нахмурился он.

– Тебе точно не нужна помощь? – еле сдержалась я. Кто бы мог подумать, что дрова не разгораются только оттого, что к ним подносится горящая спичка.

– Это не должно быть сложно. Что ты смеешься?

Я хохотала, а он вымазался в саже и злился.

– Газету! Сунь ты туда газету! – сквозь смех выпалила я.

Стас опешил.

– Зачем?

– Ты что, никогда не разжигал костер? Никогда не ходил с классом в походы?

– Давай сюда свою дурацкую газету, – пробурчал Стас, а я вспомнила, как когда-то у меня дома он увидел на кухне висящую связку сухих белых грибов и недоуменно спросил, что это. Оказывается, он грибы видел только в супе и думал, что они растут уже жареными.

– Подвинься, дай-ка я сама. Тут еще подуть можно. – Я деловито оттолкнула его от «амбразуры», подоткнула смя-

тую газету под дрова, чиркнула спичкой и осторожно дала огоньку разрастись.

Огонек побежал по поленьям, а я вдруг всей кожей почувствовала, что Стас смотрит на меня. Смотрит совсем другим взглядом.

– Ты чего? – Я скосила взгляд и наткнулась на блестящую синь его глаз. Он не был писанным красавцем, но глаза – за такие глаза убивают. За такие глаза уходят на край света. Чего я, дура, еще хочу? Он тут, со мной...

– Я скучал, – сглотнул он и оторвал меня от печки.

Через несколько секунд мне стало все равно, горят там дрова или нет. В моей груди начинался самый настоящий пожар. Говорят, есть люди, которые подходят друг другу психологически, а есть – физически. Про первое не знаю, но когда Стас прикасался ко мне...

– Я тоже скучала, ты не представляешь как.

– Молчи. Где тут у тебя кровать?

– Там. – Я коротко вдохнула, почувствовав, как он поднимает меня на руки. Во мне живого веса меньше, чем в большой собаке, так что носить меня – дело нетрудное, но все же как это приятно!

– Ты мой самый лучший подарок, – тихо прошептал Стас мне на ухо. Отведя мои волосы от лица, он усмехнулся и легонько щелкнул меня пальцем по кончику носа.

– Что ты делаешь? – возмутилась я.

– Ты имеешь что-то против?

– Я – за, – вздохнула я и отдалась его уверенным рукам.

Ему исполнился сорок один год, и он совершенно точно знал, что и как делать, чтобы я тихо мурлыкала, греясь в лучах его взглядов. Когда он смотрел так, мне и в голову не могло прийти, что наши отношения несерьезны. Возможно, я ошибалась. Меня терзали сомнения.

Потом мы долго лежали, глядя на небо за окном. Я чувствовала, что засыпаю. Тихое счастье кошки, нализавшейся сметаны. А Стас, напротив, в возбуждении рассказывал мне что-то о проигрыше «Дженерал Моторс» в конкурентной борьбе. О двух с половиной миллионах человек, которые могут остаться без работы, о том, что американские машины уже никогда не догонят японские... Я дремала, изредка приходя в себя и кивая первому попавшемуся обрывку фразы. Я лежала в его объятиях, и не было ничего прекраснее этого умиротворения. Было странно, что такое вообще возможно в моем мире. Я никогда прежде не любила; кажется, никогда прежде не любили и меня. Хотя было немало мужчин и немало разговоров под одним одеялом.

Наверное, все могло бы так и остаться, если бы я так и не подняла в тот раз вопрос о наших отношениях со Стасом. Да, наверное, могло. Я забила бы на все, целовалась бы, смотрела на полную луну и лопала жареные сосиски, доставая их из печки. Зачем будить лихо, пока все так тихо и чудесно? Наверное, все так и было бы, если б Стас не сказал:

– Мама будет у меня еще пару недель. Придется нам пока

не встречаться.

– Не встречаться? Почему? – нахмурилась я.

Он же, нисколько не смутившись, пояснил:

– Я не хочу, чтобы кто-то узнал, что у меня кто-то есть, понимаешь?

– Не очень, – тихо пробормотала я.

– Что? Я не расслышал, – сказал Стас, достав из печки еще одну сосиску.

Я глубоко вдохнула и поняла, что это, видимо, неизбежность – нужно все выяснить.

– А что, ты стыдишься наших отношений? – спросила я. Мне хотелось надеяться, что это прозвучало, как нейтральный вопрос. Такой же, как «ты будешь чай или кофе?».

Стас замер, потом встал и внимательно посмотрел на меня.

– Что ты говоришь ерунду? Конечно же, нет.

– Тогда почему бы твоей маме не узнать, что у тебя есть я? И твоим друзьям, кстати, – добавила я, понимая, что нейтральный тон у меня не выходит.

– Потому, что я не хочу бессмысленных расспросов, – недобро ответил он и отвернулся.

Интересно, что он думал в этот момент?

– Почему? Потому, что между нами нет ничего серьезного? – перешла я на повышенный тон. Надо же, сколько во мне, оказывается, накопилось обид! Откуда что взялось!

– Что с тобой? Чего ты добиваешься? – разозлился Стас.

Впрочем, я тоже злилась.

– Нам надо поговорить.

– О чем?

– О нас. О наших отношениях, – обреченно объявила я.

Шувалов сел, на лице выражение «ну вот, опять то же самое!». Помолчал. Потом уставился на меня злым взглядом.

– Тебя что-то не устраивает? Что ты хочешь узнать?

– Я... – Внезапно мне стало трудно говорить. Его поцелуи еще не остыли на моих плечах, мое тело еще помнило его руки. Почему все должна решить вечно недовольная всем голова?

– Что ты? Ты хочешь каких-то обещаний, гарантий? Статуса? Что вы все всегда хотите еще? Думаешь, я это все не знаю и не проходил? Много раз!

– Кажется, ты был женат однажды или я что-то путаю? – зло бросила я.

– Нет, ты ничего не путаешь. Кроме того, что я тебе ничего не обещал. Кажется, вот тут все перепуталось, верно? Что не так? Что изменилось? – Он вскочил, накиннул рубашку и принялся мерить шагами комнату.

Я закрыла глаза руками и попыталась стать маленькой-маленькой. Я часто жалела о том, что сделала, но никогда с такой силой, как сейчас. И все-таки надо было продолжать. Надо говорить «Б».

– Я не понимаю, кто я тебе. Как ты ко мне относишься. Что ты думаешь о нас. Или, может, ты вообще не думаешь о

нас? Может, это для тебя просто приключение в свободное от других дел время? – Слова поддавались с трудом, упираясь перед выходом. Они вылетали, как парашютисты, и я не была уверена, что кольцо сработает и парашют раскроется.

– Что за бред, я никогда не давал тебе повода так думать!

– А выкинуть меня накануне Нового года, это что – нормально? Я уже сидела в машине, между прочим! Уже купила продукты, хотя это не важно. Везла платье... Для тебя все это ерунда, верно?

– Нет. Нет. – Стас остановился и уставился в окно. Он долго смотрел в него молча. Я сидела и хотела курить. Ужасно, когда твой любимый мужчина – поборник здорового образа жизни. Плохо, когда он намного идеальнее тебя. Тем, у кого мужчины имеют недостатки, гораздо легче – им есть кого спасать. Как бы я хотела спасти Шувалова от какой-то беды. Да, тогда бы он понял, что я ничего не хочу, кроме... кроме любви.

– Я ведь отношусь к тебе очень серьезно. Ты это понимаешь? – сказала я, хотя хотела сказать, что люблю. А вдруг, услышав это, он убежит? Я представила, как он выпрыгивает в окно, прямо так, без штанов, и удирает через поля на трассу ловить машину.

– Ты тоже не преувеличивай. И почему вы так склонны все драматизировать? – пожаловался Стас.

– А ты считаешь, это нормально? Ведь это не ты, а я вчера не знала, куда деваться! – Мои силы кончились, и я запла-

кала.

Ох, как же мне хотелось, чтобы Стас подошел и обнял меня за плечи. И сказал, что все наладится. И что он тоже относится ко мне довольно-таки серьезно. Мне этого хватило бы, честное слово. Но он этого не сделал. Он сказал:

– Давай не будем ссориться. Я же тебя предупреждал: свобода – это единственное, чем я на самом деле дорожу.

– Вот именно, – всхлипнула я. – Свободой. А не мной.

– Это не так. – Его голос смягчился. – Ты мне тоже очень дорога. Просто... пока еще я не готов сделать то, чего ты хочешь. Может быть, и вообще не буду готов.

– Я же ничего не хочу. Только быть вместе!

– Нет. Ты хочешь все. – Он грустно кивнул и посмотрел на меня. – И это нормально. Не спорь, я знаю.

– Но...

– Но это не со мной. Я еще не могу прийти в себя после развода. Понимаешь?

– Понимаю, – уныло согласилась я. После собственного развода я год не могла заснуть без таблетки снотворного. Я сидела среди подушек и пледов и раскачивалась из стороны в сторону. С этим не поспоришь, это очень тяжело – развод. Даже если твой муж не был мечтой, за которой хотелось угнаться. Теряя мужа, теряешь гораздо больше на самом деле.

– Надо ехать. Уже темнеет, – после некоторой паузы сказал Стас. И хлопнул в ладоши, как бы подводя итог.

– Значит, наши отношения для тебя ничего не значат? – с упорством самоубийцы спросила я.

– Что ты хочешь услышать? Что если ты пригроишь мне отлучением от тела, я пойду на твои условия? Познакомлю тебя с мамой, чтобы она могла запилить меня до смерти? Представлю тебя друзьям, которые потом уведут тебя у меня? Хочешь, чтобы я признался, что ты имеешь возможности и ресурсы, чтобы сделать мне больно?

– Что ты такое говоришь? Я бы никогда не сделала тебе больно! – возмутилась я. Его слова были мне так непонятны, что я вдруг задумалась – вдруг мы с ним действительно разговариваем на разных языках? – Я только хочу знать, что ты думаешь обо мне. И значу ли я что-нибудь для тебя?

– Станный способ убедиться в этом, не кажется? – Стас поднял бровь.

Он подошел к кровати и аккуратно, чтобы не задеть меня, достал свои джинсы.

– Но так все делают. Знакомятся, общаются...

– Я – не все. Если тебе недостаточно того, что есть, то тебе придется искать другие варианты. – Он собирался с невыносимой последовательностью, невольно заразив меня тоже. Я встала и, чтобы занять руки, сложила тарелки в буфет. Протерла стол. Застелила постель. Ужасно хотелось курить, но Стас не выносил табачного дыма. Пассивное курение хуже активного. Еще один факт, которого я не знала до знакомства с ним. Кирилл тоже курил, и мы вместе радостно дыми-

ли на кухне по выходным. Вообще, у нас с моим бывшим мужем было гораздо больше общего. Мы подходили друг другу, как селедка к вареной картошке. Правда, без любви.

– Я не хочу никаких других вариантов. Это не магазин, а ты – не сорт йогурта.

– Ошибаешься, – пожал плечами Стас. – Настоящая любовь не что иное, как самый дорогой вид товара. И я уже разорился на этом.

– Мне ничего от тебя не надо. – Я хлопнула дверью и вышла во двор, натянув на ходу телогрейку. Пальцы мерзли без перчаток, уши покраснели, но мне казалось, что я чувствовала настоящий жар. Зачем я затеяла этот разговор? Я что, действительно хочу поймать его в свои сети? Мне же ничего от него не нужно: ни его денег, ни его «БМВ», ни квартиры с белоснежно-ледяной кухней, где нет даже ручек. Мне нужен только он, но разве его в этом убедишь? Особенно теперь, когда я сделала ровно то, что делают все. Потребовала чего-то для себя.

– Надень шапку! – крикнул Стас, высунувшись в окно.

– Не хочу! – ответила я.

Достала пачку и закурила сигарету. Стас сморщился, покачал головой и исчез. Я подумала, что похожа на подростка, который хочет замерзнуть и заболеть, только чтобы его пожалели. Сигарета не делала жизнь легче, но давала возможность с каким-то вкусом переживать собственную горечь. Минус на минус дают небольшой плюс.

– Иди сюда, не дури.

– Буду дурить. Буду!

Стас подскочил ко мне с шапкой и попытался натянуть мне ее на уши, но я сопротивлялась и отбивалась что есть сил.

– Как ты можешь так обо мне думать. Я просто не чувствую, что нужна тебе. Плевала я на то, что ты думаешь. Плевала!

– Ты мне нужна. Нужна! Слышишь?!

– Врешь! Врешь!

– Не вру. Не так, как ты бы хотела, наверное. Но мне бы ужасно не хотелось расстаться вот так. Идем, прошу тебя. Идем! – заботливо, как маленькому ребенку, говорил он, потихоньку уводя меня в дом.

Я шла, держа сигарету замерзшими пальцами. Потом мы тихо оделись и сели в машину. Опустошение от таких разговоров равняется неделе работы по двенадцать часов. Нет, по двадцать. Я пожалела, что затеяла его. Если бы не это, я могла бы сидеть, повернувшись к Стасу, и смотреть на его профиль. Может быть, даже тихонько поправлять его волосы, пока он внимательно следит за дорогой. Это было бы так хорошо! Сейчас же я разглядывала темные смазанные пейзажи за окном. Там, снаружи, было холодно и неудобно. Стас включил музыку, и это было что-то, что он сделал для меня – отказался от новостей.

– Мы не можем забыть об этом разговоре? – спросила я.

– Конечно, можем, – почти сразу согласился он. Но и он, и я, конечно, понимали, что это не так.

Глава 4

Бегут ручьи...

Наш современный мир ужасно материален. Любовь теперь зачастую нечто среднее между прятками и перетягиванием каната. Кто сейчас думает о счастье? Все в основном думают о деньгах, и чем больше их, тем больше мыслей. Как сохранить, как не потратить на кого-то другого. Как потратить, но так, чтобы в итоге я поимел с этого больше, чем тот, на кого я их потрачу. Как заставить его жениться? Как жениться так, чтобы сохранить за собой квартиру? Как родить ребенка, но не платить алиментов? Нормальные человеческие вопросы, но какое отношение они имеют к счастью? Прямое, если счастье понимается как ежегодная прибавка к зарплате. Счастье в виде каких-то бонусов и премиальных, типа халявной поездки в Турцию с любимым человеком и его кредиткой. Для меня счастье стало похоже на солнечный луч, пробивающийся сквозь жалюзи в моем кабинете и отвлекающий меня от работы. Мимолетное чувство, которое надо еще суметь заметить и запомнить. Счастье, что пришла весна и по лужам текут ручьи, смывая холод и оцепенение зимних дней, счастье, что девчонки в офисе стали красивее, и я тоже теперь могу не носить теплые толстые колготки и вечные черные брюки. Время юбок, ура!

– Митрофанова, ты прекрасно выглядишь! – с удивлени-

ем отметил мою серую блестящую юбку наш системный администратор Мишка. Мы столкнулись в лифте по дороге на работу. Обычно он целыми днями просиживает в своей серверной, плутая по порнографическим сайтам, живьем его встретишь редко, а тут он был даже трезвый.

– Ты тоже не такой бледный, как обычно, – улыбнулась я.

Мне захотелось сделать ему комплимент. Мишка был очень важный человек в нашей фирме, он отвечал за то, чтобы все наши провода и сети нормально фурычили, а компьютеры стабильно держали высокоскоростное соединение с Интернетом. Тогда наша деловая жизнь вырывалась за рамки офиса, и мы могли взлетать к немыслимым высотам общения. ISQ, форумы и порталы знакомств – вот то, ради чего мы на самом деле ежедневно приходили в офис, где изредка приходилось заниматься своими прямыми обязанностями. Моим делом было выслушивание жалоб. Говорили, я неплохо справлялась, хотя до того восемь лет проработала простым клерком, и никому в голову не приходило обращаться на меня внимание. До появления Стаса. Все до сих пор считают, что он дал мне это место за красивые глаза. Что ж, значит, все признают, что у меня красивые глаза! Отлично!

– Я пострадал от лап природы! – пожаловался Мишка.

– То есть? – удивилась я, внимательно разглядывая его лицо. Действительно, кажется, у него даже есть мимолетный румянец. Откуда? Он же ведет жизнь вампира, вылезая на свет только после отключения питания офиса.

– Пришлось съездить с братом и его девушкой за город, – поделился Мишка.

– И как? Понравилось?

– Не понимаю, отчего столько восторгов. Деревья лысые, слякоть. Даже воздух мокрый. Не знал, что на свете есть места, где нет WIFI, – грустно ответил он. – И от этого кислорода у меня до сих пор кружится голова. И болит.

– Тебе надо срочно покурить. В накуренном помещении синдром передозировки свежего воздуха исчезает, – заверила я его.

Он посмотрел на меня с пониманием, а потом предложил от всей своей программистской души:

– Пойдем ко мне, там покурим. У меня нет вытяжки.

– Ужас! – весело хихикнула я. – А у меня из окна видно трубу с дымом. Хочешь, покажу?

– Ладно, зайду попозже, – согласился он и нырнул в свою каморку, где гудели страшные, не понятные ни одной нормальной женщине машины, к которым мы боимся даже подходить. А вдруг сделаем что не так, и наш офисный Интернет умрет. А если такое случалось, нам оставалось только работать. А от работы, как известно, конидохнут. Интернет надо беречь.

По роду работы я иногда напоминала себе устройство для записи и воспроизведения матерной ругани. Конфликтный администратор – это звучит гордо, но на деле я сидела в своем кабинете и разбиралась в препирательствах между наши-

ми менеджерами и их клиентами. Наша компания торговала компьютерным оборудованием в розницу и оптом. Наши грузовички сновали по всей Москве и области, на наших складах самовывоза были вечные очереди, а наши поставщики вечно хотели от нас денег. И все со всеми ругались. Когда-то, в стародавние времена, скандал завскладом и получателя крупной партии компьютерных мышей заканчивался их обоюдными матерными криками или даже драками во дворе склада, затем братанием и выдаванием бонусных мышей. Теперь в случае, когда кто-то «закипает», ему говорят:

– Обратитесь к Митрофановой. Она решает такие вопросы.

И клиент направляется ко мне. Он кричит, брызжет слюной, стучит туфлей по столу, а я киваю. Он взывает к справедливости и требует немедленного расстрела виновных, а также всех свидетелей, а я опять киваю. Мне надо выписать курс шейного массажа за вредность. Потом клиент выдыхается и теряет голос, а я подсовываю ему лист бумаги и предлагаю изложить все в письменном виде. Потом еще раз, но без нецензурных выражений. И еще, убрав остаточные эпитеты «этот плешистый козел» или «та тощая стерва», которые не могут считаться нецензурными, но все-таки не должны присутствовать в официальном документе. Потом я обещаю клиенту во всем разобраться, выписываю ему бесплатную упаковку бонусных мышей и заменяю ему кладовщика на другого, не плешивого. Документ дня через три я рас-

смаатриваю и запикиваю в шредер. Вот и весь мой производственный цикл. В общих чертах. В остальное время, которого остается довольно много, я перебрасываюсь сообщениями с подружками по ISQ, например как сегодня.

– Хочешь прикол? – появилось на моем экране после короткого «о-о!». Я оторвалась от пасьянса и открыла окошко. Мне писала Иришка, девчонка из нашего отдела продаж, с которой я дружила.

– Хочу.

– Приходи курить.

– Курить вредно, – немедленно ответила я, вспомнив все наставления Стаса. – Я иду.

– На пятый, – добавила Иришка.

Мы работали на шестом, а курили на пятом, чтобы не столкнуться с руководством. Руководство – это все, кто работает в дирекции, кроме меня. Я – засланный казачок, меня никто не боялся. Даже обидно. С другой стороны, как можно опасаться того, на кого целыми днями орут? Я спустилась на этаж, Иришка уже была там.

– Ой, какая у тебя юбочка!

– Класс, да? – порадовалась я.

Когда кто-то дважды за один день замечает, какая на тебе юбка, это значит, что ты действительно неплохо выглядишь. Надо будет как-то незаметно попасться на глаза Стасу. Пусть поревнует или хотя бы проводит меня взглядом до своей двери.

– Представляешь, я тут познакомилась с мужиком, – с места в карьер начала Иришка. – Месяца два назад.

– Живым? – поразилась я.

– Ну тебя.

– Ладно, извини. И как? Что? И почему это, интересно, ты мне ничего не рассказывала?

– Потому что тебя все эти два месяца невозможно перебить! – возмутилась она. – Как только мы встречаемся, ты начинаешь щебетать про Шувалова. Какой он прекрасный, и как ты не хочешь его потерять, и как он редко звонит, и как было бы здорово, если бы ты могла сама ему звонить, но он раздражается, когда ты его отвлекаешь.

– Ир? – смутилась я. – Ну что ты говоришь. Что, я бы тебя не выслушала?

– Выслушала бы. И тут же сказала бы: а вот Стас...

– Ладно, сдаюсь! – Я подняла вверх руки. – Рассказывай.

– Да я не хотела вообще-то преждевременно его спугнуть. Знаешь, приметы всякие есть. Мужик-то вроде хороший. А прикол в том, что у него, оказывается, есть брат-близнец. Прямо капля в каплю. Или как там говорят? Знаешь, их можно ставить рядом и искать десять отличий.

– И будут? – заинтересовалась я.

– А как же. Разные мобильники. Разные ботинки. У того, второго, они нечищенные. А я вот теперь все время думаю, а что, если они поменяются? – Иришка нервно крутила волос. Она была вертихвосткой, вечно мечтающей о настоящей

любви с большим количеством настоящих бриллиантов. Но девчонка она хорошая. Хотя бы потому, что никогда не считала, что меня повысили из-за романа с боссом.

– Что значит поменяются? Мобильниками?

– Нет, ты что – тупишь? Не понимаешь, о чем я? – Иришка присвистнула и рукой провела вдоль туловища. Я все поняла и покраснела.

– Не может такого быть!

– Не знаю, – задумалась та. – Если они махнутся ботинками и мобильниками, даже не знаю, замечу ли я разницу. Я когда его брата увидела, чуть не упала. Он познакомил меня с ним и его женой. Сказал, что ему мнение брата очень важно! Может, он меня ему показывал просто?

– Ну с чего ты взяла? Может, у него самые серьезные намерения, – предположила я.

– Вообще-то он мне часто говорит, что он хочет детей. Странно, правда? Мужик хочет детей.

– Ага. Обычно они хотят новую модель «Мерседеса». Или просто новую модель. На двух ногах.

– Знаешь, мне давно такого не говорили! Да что там, вообще никогда, – задумалась Иришка.

– Мне тоже в основном говорят: «Я пока не готов ни к чему такому».

– Ой, только не надо про Стаса. Я уже не могу больше слушать. Все у вас нормально, чего ты все дергаешься?

– Он мне почти не звонит. И на совещаниях почти не

смотрит на меня.

— А потом звонит и смотрит. И не только смотрит. Знаем, слышали. Ты докурила?

— Да, — кивнула я и поплелась обратно на наш этаж, к моей трубе.

После нашей со Стасом судьбоносной поездки на мою дачу я никак не могла снова обрести душевный покой, и Стас ничуть мне в этом не помогал. А ведь я действительно никак больше не пыталась на него давить. Все эти месяцы мы напоминали двух неумелых танцоров, преследующих одну цель — не наступить друг другу на ногу. Я так испугалась, что он всерьез исчезнет из моей жизни или просто перестанет меня замечать, что в его присутствии говорила только о погоде или котировках акций. И то, и другое было идиотизмом, но он с осторожностью минера поддерживал две эти темы. Раньше он мог позвонить мне ночью, чтобы рассказать, что у него на кухне потек кран и он совершенно не знает, что с этим делать. Или прямо посреди совещания прислать эсэм-эску «улыбнись, пожалуйста». И я обворожительно улыбалась, вызывая недоуменные взгляды заместителей, которые принимались нервно осматривать свою одежду на предмет пятен.

Теперь же не было неспешных ночных разговоров, красного вина из одного бокала, который мы передавали из рук в руки. Я не ходила больше по его квартире, завернутая в белоснежную простыню. И все же я там бывала иногда. Из-

редка Стас все же набирал мой номер, чтобы осторожно поинтересоваться, как у меня дела. Иногда он заходил ко мне в кабинет и спрашивал о какой-нибудь рабочей ерунде, которую можно было узнать и по телефону. Сегодня он зашел с каким-то листиком в руках.

– Ты не видела новый отчет о прибылях?

– О прибылях? Нет, а что, у нас есть прибыли? – удивилась я.

– Нет. Просто у нас не такие уж сильные убытки в этом месяце. Это хороший знак, – сказал он.

Я согласилась. Светская беседа, но только чтобы посмотреть мельком друг другу в глаза. Прибылей не было с самого Нового года. В стране наблюдался экономический кризис. Мир сделал еще один оборот и снова вернулся в точку очередного глобального потрясения. И хотя русского человека кризисом не испугать, отсутствие валового объема продаж нагнетало смутную тревогу и стресс.

– Стас, ты уже уходишь? – спросила я, только чтобы задержать его в дверях.

– Ну... да, а что? – Он с готовностью отозвался.

– Подожди, пойдем вместе. – Я встала, стараясь не делать резких движений. Раньше нам было вместе очень-очень легко. Неужели же все эти перемены из-за одного простого разговора?

– Тебе очень идет эта юбка, – улыбнулся Стас, когда двери лифта закрылись.

– Ты третий! – гордо заявила я.

– Что ж, хорошо хоть не тридцать третий, – вздохнул он. – Хочешь, поедem ко мне?

– Сейчас? – тихо переспросила я, стараясь не шевелиться, пока не услышу ответа.

– Да. Если у тебя нет других планов.

– Нет. Какие планы? Никаких планов, – быстро замотала головой я.

Планы у меня, конечно, были. Я обещала маме завезти молоко. Я должна была позаниматься с Никой и Лешей, сыном Стаса, русским языком. Леша был единственным, кто знал о моем существовании, но он, к сожалению, пошел характером в папу и умел хранить тайны. Ни одна живая душа, включая его мамашу, бывшую жену Шувалова, обо мне не знала. Леша считал, что я должна уважать его за это. Я уважала.

– Где у тебя машина?

– Тут. – Я ткнула пальцем в свою красавицу. Парковка уже опустела, рабочий день закончился полчаса назад, а у нас не принято как-то задерживаться сверхурочно.

– Я поеду за тобой, – кивнул Стас.

Передо мной, как я подозревала, он не ездил из страха, что я впечатаюсь в зад его «БМВ». Он вообще был невысокого мнения о моих водительских способностях. Впервые наши пути со Стасом пересеклись, когда я пыталась его обогнать по обочине. Я говорила, что он помешан на правилах?

Да, так это относится и к кружочкам с ограничениями скорости. Около нашего офиса это знак 30 км/ч. Не более тридцати километров в час – кто это стерпит? Никто. Кроме Стаса, конечно. Вот он и тарахтел на своей «БМВ», а я, между прочим, опаздывала на работу.

– Посторонись! – крикнула я и пронеслась мимо него по обочине, облив его машину жидкой грязью из огромной лужи. Да, вот так. Жаль, конечно. Жаль, что не удалось скрыть, что это была я. Но вообще-то я неплохой водитель.

Я оглянулась, проверив, едет ли он за мной, и набрала свой домашний номер.

– Ника? Я не могу приехать. Никак!

– Опять? Что такое?

– Понимаешь, Стас...

– Только не это. Ты что, опять не придешь ночевать? – возмутилась моя семнадцатилетняя деточка, развитая не по годам.

– Почему? Ночевать приеду, – ответила я. Если получится остаться у Стаса – обязательно останусь, но зачем загадывать? Ника уже большая и готовит лучше меня, так что не пропадет в случае чего. Но предупреждать заранее я ее не собиралась.

– Между прочим, Леша уже приехал. И что нам делать?

– Готовиться к страшному и неотвратимому «ЕГЭ»! – ухмыльнулась я. – В конце концов, повторите пройденное. Подиктуйте друг другу диктанты.

– Ладно, разберемся. Давай, развлекайся. Только не забывай, что у тебя есть дочь. Кстати, Леша сказал, что его мама недовольна, что папа совсем их не навещает. Даже не звонит!

– Это хорошо! – обрадовалась я.

Мама Леши – это бывшая жена Стаса, которую, как и положено, я ужасно боялась. А если Стас даже ей не звонит, значит, ему на нее наплевать. С Лешей он общается отдельно, так что... Конечно, не очень хорошо вытягивать подробности личной жизни любимого мужчины у его сына, да еще используя для этого собственную дочь, но на войне как на войне. Если я ничего не узнаю от Леши, я вообще ничего не узнаю. Стас не любит рассказывать о себе, он вообще довольно скрытный. Если бы не Леша, я бы не знала, что ОНА – высокая крашеная блондинка и больше всего на свете любит, когда ее показывают по телевизору. У нее много знакомых в «Останкино», и ее периодически приглашают на всякие бессмысленные ток-шоу, где она с умным видом рассказывает, как делать маску из огурца. Кстати, эти передачи в записи демонстрировались всем знакомым.

– Хотите, я и вам принесу? У мамы таких кассет – сотни! – добродушно предложил как-то Лешка Нике.

Так у меня появилась счастливая возможность убедиться, что ни одной фотографии жены на стенах квартиры Стаса не висит. К сожалению, при этом пришлось с горечью удостовериться, что его бывшая жена в три раза красивее меня и, конечно, очень ухоженная. Она была самым настоящим

воплощением мужских грез, смесь Барби и Памелы Андерсон, причем обе в оригинальной упаковке. Эта упаковка явно обошлась Шувалову в немалые деньги. Может, он встречался со мной, потому что я не требовала подобных капиталовложений? Эта мысль была грустной, и я решила дальше ее не думать. Я оглянулась и обнаружила, что все еще держу в руках телефон.

– Ника, только не закрывай дверь на защелку, – запоздало добавила я, но оказалось, что она уже повесила трубку. Вскоре мы доехали до дома Стаса. Я не была у него несколько недель.

– Ты подождешь, пока я схожу в магазин или пойдешь со мной? – спросил он.

– А что тебе надо купить? Я ничего не хочу, – заверила я его, подумав, что его бывшая наверняка бы захотела омаров в белом вине.

– Я понимаю, но ко мне должен приехать один старый друг. И он не из тех, кто будет грызть орешки с чаем, – усмехнулся Стас.

Я нахмурилась.

– Друг? То есть?

– Ну, один мой однокурсник, мы с ним вместе учились в универе. Пакостник тот еще. – Стас достал из машины аккуратно сложенные пакеты и захлопнул багажник. – Мы с ним вместе как-то военруку весь устав склеили клеем ПВА. Страница за страницей. Представляешь?

– Ты склеил устав?! – поразилась я. – И что? Ты не сошел с ума от такого нарушения правил?

– Знаешь ли, в юности мы все выкидывали ерунду, – с пафосом добавил Стас и как бы между делом прижал меня к себе. Минуту мы шли молча, точно самая настоящая парочка, отчего настроение мое неминуемо улучшилось.

– А вы давно не виделись? Во сколько он должен приехать? – вдруг забеспокоилась я.

– Да где-нибудь через час подвалит, наверное, хотя может и опоздать. Зависит от того, остался ли он таким же раздолбаем. Я его уже года два не видел.

– Стас, но я же не успею уехать? – мне стало плохо. То есть через час я должна убираться? После того случая в Новый год я испытывала жесткую аллергию к такого рода новостям. – Может, мне тогда сразу уехать? Не хочу собираться потом впопыхах.

– О чем ты? – опешил он. – Куда собираться? Зачем?

– Домой! – Я почувствовала, что зла, как черт. Сколько можно, в конце концов. Я же живой человек!

– Слушай, я думал, ты хочешь познакомиться с кем-нибудь из моих друзей. Ты что, не хочешь? Почему?

– Ты... что ты сказал? – замерла я.

– Я подумал – ты права. Что случится, если я познакомлю тебя с кем-нибудь из своих старых друзей? Чего я боюсь? Так ты пойдешь в магазин?

– Ты что! – возмутилась я. – Ты что, совсем чурбан бес-

чувственный?

– Почему? – опешил Стас.

– Я же выгляжу как пугало. Я же целый день была на работе. Блин, а нельзя было предупредить заранее?

– Ты же говорила, что это не важно...

– Стас! – возмутилась я. – Я это три месяца назад говорила. Даже больше! Ничего себе ты думал!

– С тобой не соскучишься, – устало закатил он глаза.

Я улыбнулась:

– Но я ужасно рада. Правда? У нас будут гости? Кто-то, кто что-то знает о тебе до того времени, как ты стал директором? Или ты стал директором еще в детстве?

– А как же. Я командовал своими солдатиками. Начислял им премии и выносил выговоры. Последнее особенно часто, – гордо заявил Стас.

– Не сомневаюсь. Давай ключи!

– Почему ты так волнуешься? Это просто лысый сорокалетний оболтус, который списывал у меня контрольные. Он скажет тебе, что все было наоборот, но это не так. Он списывал у меня. Имей в виду.

– Ты правда склеил устав? – скептически подняла я бровь.

Стас ухмыльнулся и с довольным видом чмокнул меня в нос, а потом вручил ключи от дома. Я зажмурилась и представила, что он мне отдает их насовсем со словами «милая, теперь ты тут хозяйка». Мысленно я уже знала, с чего начну. Снесу к чертовой матери его странную кухню. Мебель долж-

на иметь ручки и какие-то выпуклости, орнаменты. Украшения. На кухне должно быть вкусно и уютно. Что это за белоснежная идеально гладкая поверхность, где даже плиты не найдешь?

– Господи, я же как кикимора! – воскликнула я, осматривая себя в зеркало. Еще утром все это можно было поправить, но за плечами был длинный рабочий день, перекуры с Иришкой, крики клиентов, усталость... Хорошо хоть, я надела серую юбку. Неужели, неужели он меня с кем-то познакомит?! Что это может значить? Это хороший знак? Да, это определенно хороший знак.

– Надя, мы пришли! – в прихожей раздался голос Стаса. Я подпрыгнула и немедленно нацепила свое самое приветливое выражение лица.

– Добрый вечер! – любезно кивнула я, выйдя в прихожую. Жаль, что у меня не оказалось с собой туфель на каблуках. С другой стороны, откуда я могла знать? Нет, надо все время возить с собой пару на всякий случай. А то приходится дефилировать в тапках. Позор! Я постаралась как-то так встать, чтобы ноги не были особенно видны.

– Познакомься, Надя, это мой друг Дмитрий, старый мой товарищ по университету. – Стас церемонно представил мне действительно лысого, с немного красным и опухшим, но приятным лицом мужчину, улыбавшегося во всю ширь своего рта.

– Господи, ты все такой же нудный, Стасик! – воскликнул

он, отодвигая Стаса в сторону. – Наденька, зовите меня просто Дима.

– Договорились, – робко улыбнулась я.

Стас стоял в стороне и делал вид, что он тут ни при чем. Дмитрий же подошел ко мне и поцеловал руку.

– Очень приятно познакомиться, – томным голосом продолжил он.

Тут Стас поморщился и вежливо, но твердо отвел меня чуть в сторону.

– Мне тоже приятно, – кивнула я, беспомощно семеня за Стасом.

– Пойдем-ка на кухню, – скомандовал он, волоча кучу каких-то пакетов с едой. И с коробкой «Фереро Роше», конечно же.

«Мой ты сладкоежка!»

– Конечно, пойдемте, – не стал спорить его друг.

– А ты, Димон, можешь пока посидеть в гостиной, – фыркнул Стас.

Димон ухмыльнулся и отправился за нами.

– У тебя такая кухня, что и не поймешь сразу. Надя, вам не кажется, что его кухня больше похожа на зал патологоанатома?

– Кажется, – тихо хихикнула я.

– А-а, так вы наш человек, из живых! И что, скажите-ка мне, как вам этот чистолюй? Не надоел еще до смерти? Он же невыносим, с этими своими бесконечными нравочения-

ми. Еще не свел вас с ума? – усмехнулся Дима.

– Пока нет, – не смогла сдержать улыбки и я.

– Пойдем-пойдем, ладно. Будешь позорить меня на кухне, – беззлобно заявил Стас и ткнул Диму в бок.

– Надо же, Стасик, неужели же ты прозрел и сумел найти стоящего человека? Впервые вижу, чтобы рядом с тобой была нормальная живая женщина.

– Это потому, что ты трезвый, – ухмыльнулся Стас и достал из бара бутылку вина.

– Ну, так это временно, – усмехнулся Дима. – Наденька, вы выпиваете?

– Я еще и курю, – тихонько шепнула я.

– Неужели?! Это же великолепно. Хотите, я угощу вас настоящей кубинской сигарой? – И он как фокусник достал из внутреннего кармана пиджака коробочку и действительно выдал мне толстенькую ароматную сигару.

– Ну, началось, – беззлобно заворчал Стас, однако Дима невозмутимо поднес мне зажигалку.

Я покосилась на Стаса, но тот только махнул рукой. Дима выдохнул самое настоящее дымное кольцо и сказал:

– Между прочим, я знал этого пижона, когда он сам стрелял у меня «Приму»!

– Он курил?! – ахнула я.

Дима улыбнулся:

– И даже пил. Да, моя дорогая, он не всегда был так помешан на карьере и на здоровом образе жизни. О, я многое

могу вам рассказать о нем. Если вам интересно, конечно.

– Очень интересно, – ухмыльнулась я.

– Не стоит выдавать все мои тайны, – нахмурился Стас. – А то Надя потеряет ко мне всякий интерес.

– Ей же будет лучше. С тех пор как ты бросил все дурные привычки, с тобой почти невозможно находиться рядом. Только мы, твои старые боевые друзья, и можем.

– А почему ты решил все бросить? – неожиданно заинтересовалась я.

Стас угрюмо помолчал и взглянул на Диму.

– Это старая история. Просто мне так легче жить, – пробормотал он.

Возникла пауза, которую я заполнила какой-то бытовой суетой – распечатывала купленные ими упаковки уже нарезанной еды, раскладывала все на тарелки, доставала бокалы. Неловкое молчание прервал Дима. Начал мне рассказывать о своей работе. О том, что он приехал с Дальнего Севера, где есть только одна марка машин – наша «Нива», потому что никакие другие джипы, хоть бы даже «БМВ», как у этого пижона (это он про Стаса), на таком морозе не заводятся...

Нам было весело и легко, словно мы все знали друг друга много лет. Я смеялась, Дима балагурил, Стас периодически краснел, но было видно, что ему ужасно приятно видеть этого самого Диму, а тот вставлял едкие словечки и подкалывал его, подмигивая мне, словно приглашая к себе в союзники. Мы могли бы точно так же сидеть и через десять лет.

Я на минуту прикрыла глаза и представила, что вот я будто бы жена Стаса и к нам в гости приехал его старый друг, с которым у меня уже давно сложились хорошие, теплые отношения, и нам есть о чем поговорить и что вспомнить. И возможно, тот вечер ничем не отличался бы от этого, который плавно выскользнул из рук и ушел в пески времени. А мне так ужасно хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался. Если бы это было возможно, если бы...

Глава 5

Пятьдесят пять – опять!

Говорят, если кто родился в мае – будет маяться. Я родилась осенью, но маялась в жизни никак не меньше тех, кто появился на свет в конце весны. Я во все это не верю, как и в гороскопы вообще. То есть не то чтобы вообще не верю. Я могу с интересом прочитать колонку «Весы» в журнале телепередач. Особенно если там будет написано, что всю следующую неделю мне светит не только солнце, но и повышение зарплаты, нечаянная радость и романтическая встреча. Хуже, если колонка обещает неожиданные хлопоты, потерю денег или дальнюю дорогу, связанную с осложнениями. Тогда я говорю себе, что это все – полная ерунда и что не пристало современному образованному человеку читать все это. Но иногда сам собой ловится какой-то гороскоп в журнале или на радио, или, может быть, кусочек фразы, или даже просто слоган с рекламного плаката – и тогда ты понимаешь, вот он, знак. Перед тобой предупреждение или ответ на вопрос, или пророчество, которое вселяет беспокойство, но ничем реально помочь не может. Такие знаки я стараюсь не игнорировать. Вот так и в этот раз, на Первомай, я вышла из дому и уперлась взглядом в рекламный щит. Щит вопрошал: ты уверена, что сможешь с этим справиться? Вообще-то речь на нем шла о каких-то сельскохозяйственных приспособлени-

ях, которые должны были помочь ретивым садоводам справиться с весенней посадкой. Но я почувствовала легкий холодок между лопаток. Не к добру сменили старый плакатик, который еще вчера ласково уверял, что я этого достойна. Не важно чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.